

Город Веры

Алексей В

18+

Алексей В
Город Веры

«Автор»

2025

В А.

Город Веры / А. В — «Автор», 2025

"Город Веры" — сборник пронзительных рассказов о людях на краю. О тех, кто потерялся в суете соцсетей, утонул в боли или замерз в одиночестве. Здесь стример ставит на кон машину ради хайпа и находит нечто большее. Церковная певчая прячет за благочестивой маской жестокость. Сторож-алкоголик ищет способ говорить с погибшей семьей. Самоубийца застревает между мирами, а женщина продает душу за "идеальную" жизнь. Их истории — о внезапных прорывах света сквозь броню цинизма, страха и пустоты. О том, как вера, надежда и любовь настигают человека в самых неожиданных местах, даря шанс на исцеление, прощение и возвращение к себе — даже когда кажется, что все кончено. Это честный и глубокий взгляд на поиск смысла и встречу с чудом в современном мире.

© В А., 2025
© Автор, 2025

Алексей В Город Веры

Бог лайков

3-2-1, поехали. Красный огонёк камеры iPhone мигает мне, как одинокий глаз циклопа, словно напоминая о том, что ещё один день в проведу в виртуальном мире, а не в реальном. В наушниках – фоном шум подписчиков: никнеймы, стикеры, мемы. Комната – это неоновый склеп из коробок от техники и банок энергетиков, которые я когда-то рекламировал. Я – «Максимал». Стример. Голос поколения. Пустого поколения.

– Ну че, пацаны, скучно? – кидаю в эфир и откидываюсь в кресле. – Просмотры упали. Как КПД в понедельник.

Чат оживает, как толпа на стадионе:

– Задонатить нам!

– Спорь на тачку!

– Пойди в храм, Максимал!

– К Деду Ивану!

Именно так. «Максим, у тебя всё есть – деньги, бабки, хайп... А совесть? А душа? Вот бы тебе в храм сходить. Душу проветрить», – пишет в чат старый подписчик. Дед Иван. Все ржут. А я ловлю паузу.

– Ладно. Дед, хочешь спор? Лови. Ставка – моя BMW. Если я за месяц не исповедуюсь, не причащусь и не выложу селфи – тачка твоя.

Чат взрывается. Всё, как я люблю. Но внутри что-то кольнуло. Не боль – просто щель. Щель в броне.

День 3.

Я уже у дверей, камеру держу в руке:

– Сегодня всё по-честному! Исповедь, причастие, селфи! Дед, прощайся с мечтой!

Но звонит продюсер:

– Макс, появился спонсор года. Если не приедешь – он вылетит.

Я жму «стоп». Думаю: завтра. А сам понимаю – пошло что-то не так. Потому что...

День 7.

Пробка. Адская. Два часа в такси.

– Извини, не доехал. Завтра. Обещаю.

И снова – не получилось.

И снова – пустота.

День 15.

Погода как насмешка. Ливень хлещет по капюшону.

Храм рядом – но как будто за стеклом. Не пройти.

– Завтра. – говорю в стрим.

А сам думаю: неужели кто-то там меня не пускает? Да ладно, кто меня может не пустить?

День 20–25.

. Умер ноутбук. Плохо сплю. Чат шипит:

– Ты сливаешься, Максим!

– Дед тачку заберёт!

– Боишься Бога?

А я начинаю бояться. Не Бога. Себя. Эта игра как бы уже и не игра.

День 28.

Умираю. Температура под сорок.
Вижу потолок, как будто он дышит и кашляет так, что вот-вот упадёт на меня. Лежу и думаю: я сделал столько зла людям, сколько же я обманул на своих стримах?
Время вышло.
Последний шанс – это монастырь через два квартала
Еле доезжаю. Вхожу.
Служба уже началась. Пахнет ладаном.
Холодный камень. Холодная тишина. Становится немного легче.
Я как пьяный. Или как обречённый.
Я не верю в происходящее но всё равно иду.
Подхожу к раке с мощами. Не понимаю, что делать. Камера в руке. Пальцы дрожат.
– Если Ты есть... если хоть что-то из этого не фейк... помогите. Пожалуйста. Мне очень нужна ваша помощь. Я запутался!
Просто шепчу. Как слабый. Как проигравший.
И в этот момент.
Внутри вспыхивает свет. Не яркий. Не киношный. Тёплый. Как будто в груди включили лампу.
И головная боль исчезает.
И дыхание становится свободным.
И я понимаю – я не болен.
Я трогаю лоб. Нет жара.
Я встаю. Камера всё ещё пищит.
– Пацаны, вы видели это?
Чат взрывается.
– Что это было?
– Он исцелился!
А я смотрю в объектив – и вижу себя. Не стримера. Не «Максимала». А того, кто впервые понял, что он живёт.
Я выключаю стрим. Без прощания. Без «лайков».
Сажу у стен монастыря.
Подходит старик. Он улыбается так как буд-то бы знает меня с рождения
– Ты Иван?-спрашиваю я
Он кивает.
Я достаю ключи от BMW.
– Она ваша.
Он не улыбается. Просто смотрит, будто понимает больше, чем я.
А я разворачиваюсь и иду прочь. Не к машине. Не к метро.
А просто – туда, где впервые стало не пусто.

«Не я»

Меня зовут Катя, мне 35 лет. Я пою в церковном хоре, а ещё работаю преподавателем в музыкальной школе. Для детей я свет. Всегда добрая, терпеливая, отзывчивая: «Катенька, у вас такие добрые глаза», – говорят мамы учеников. «Катенька, вы наш ангел», – шепчет старенькая бабушка, протягивая мне очередную коробку конфет в знак благодарности. Но если бы они знали, что это только снаружи. Внутри всё иначе. Совсем иначе. К сожалению.

Я никогда не думала, что можно жить в таком ритме – когда утром ты читаешь «Отче наш», а вечером орёшь на младшего брата так, что у него руки дрожат. Я не просто срываюсь – я сжигаю свою душу. Говорю такие слова, от которых у самой внутри течёт адская лава сквер-

нословия. Потом оправдываюсь: «Ну, я же не специально». Или думаю: «Это не я. Это бес во мне сидит». Точно, он, кто же ещё это может быть? Ну не я же в конце концов?!

Я раньше трижды крестилась при входе в храм. Сначала делала это специально, глядя на родителей: «Смотрите, какая у вас примерная дочка растёт, вся в вас». Потом, чтобы научить элементарным правилам братьев, затем напоказ, чтобы на людях показать: «Вот какая я верующая». Сейчас – ни разу. Просто стою и думаю: «Он ведь и так знает, что я здесь». Раньше плакала на каждой литургии. Теперь просто пою. Как на концерте. Будто это репетиция. Ни трепета, ни живого огонька внутри, что вспыхивал раньше на молитвах, которые мы поём вместе с прихожанами. Иногда кажется, что я просто исполняю роль хорошей девочки. А за кулисами уже давно другое лицо. Последний раз, когда мама что-то мне сказала, какую-то ерунду вроде: «Катя, не кричи на Димку, он всего лишь спросил», а я в ответ матом, грязным таким. Даже не поняла, как это у меня вылетело. В голове будто щелкнул выключатель. А когда посмотрела в зеркало, глаза у меня были чёрные. И не мои. Не моё это лицо. Не моё. Потом слёзы. Ревела всю ночь. Молилась. Била себя кулаком в грудь. Потом опять, будто ничего не было. Пока всё не повторилось.

Мама смотрит на меня всё чаще как на чужую. Не с осуждением, а с жалостью. Однажды она сказала: «Катя, я знаю, ты не злая. Но ты себя теряешь. Поедем к отцу Герману. Он мудрый батюшка, он сразу скажет, что с тобой».

Я закатила глаза. «А к психологу не хочешь меня отвезти? Или сразу к экзорцисту?» – язвила я. Но она не обиделась. Просто обняла и сказала: «Ты же сама чувствуешь, что ты не ты».

Ехали всю ночь. Я молчала. Меня клонило ко сну, но стоило закрыть глаза, и я слышала собственный голос, кричащий на родных. Слышу, как я шиплю на мужчин в транспорте. Думаю гадости о коллегах. «Это не я... это точно не я...» – твердит мой внутренний голос, словно заклинание.

Когда приехали, солнце только вставало. Монастырь был старый, скромный, и там почти никого не было. Отец Герман сидел у деревянной скамьи, кормил голубей. На вид обычный дедушка. Седой. Простые очки. Потрёпанные ботинки.

Поднял на меня глаза, когда мы подошли. Сразу будто насквозь увидел. Я даже отступила немного.

– Катюша? – сказал он. – Садись. Гляжу на тебя – и сердце ноет. Птичка-то красивая, да подбитая, – добавил он, обращаясь то ли ко мне, то ли к голубям рядом.

– Батюшка, – говорю. – Мне кажется, во мне кто-то живёт. Это не я. Я же добрый человек. Я детей люблю. Маму люблю. Но меня будто подменили. Я злюсь, кричу. Голос даже меняется. Святую воду не переносу – жжёт. Раньше пела и плакала, а теперь холод внутри.

Старец молчит. Только кормит птиц.

– Когда крестишься – не крестишься. Когда в храме – пустота. А дома – вой?

Я кивнула.

– Ну и что ж ты думаешь? – спросил он. – Бес это?

– А что же?

Он улыбнулся мягко, но слегка с иронией.

– Нет в тебе никакого беса, Катюша. И не было никогда. Это ты.

– Я?! – воскликнула я. – Батюшка, да я же добрая! Я детей люблю! Я старикам место уступаю! Я...

– ...И при этом матери грубишь, на братьев набрасываешься, парням врешь, мужчинами играешь. Знаю. И дело вовсе не в демоне. Сердце твоё ожесточилось. Гордыня. Ведь обижали тебя когда-то, и ты замерзаешь. Сама себя подавила. А теперь думаешь, что это не ты. Удобно ведь – считать кого-то другого виновным?

Я расплакалась.

– Значит, это всё я?

– Ты. Но и это хорошая новость. Потому что если ты – значит, ты и исправить можешь.

Покайся, да начни сначала.

– А если я уже всех оттолкнула?

– Позвони. Обними маму, братьев. Не жди подходящего момента. Скажи просто: «Прости». Хоть и по-детски, пусть даже с плохими словами. Главное – чтобы от сердца пошло.

Я сидела, смотрела на его лицо и чувствовала, как лёд внутри начинает трескаться.

– Я думала, что я верующая, – прошептала я.

– Верующая? Возможно. Но живая ли? Ходишь в храм, а сердце в броне. Вера без любви – звук пустой.

Уехали через два часа. Молча. Ехала и вспоминала, как впервые услышала, что мама меня любит. Как брат дарил мне конфеты, когда я была маленькая. Как парень с оркестра смотрел на меня влюблённо. Вспоминала, как всех их обжигала. Казалось, что я сильная, потому что недоступна.

Теперь понимаю – это не сила. Это страх. Боль, поселившаяся глубоко внутри, как заноза. Которую я принимала за характер. За принципы. За право. А на самом деле – просто закрылась. И теперь надо открываться. Шаг за шагом. Слепую. Без гарантий. Но искренне.

Вернувшись домой, мама посмотрела на меня внимательно. Впервые за долгое время я не отстранилась от её взгляда.

– Прости, мам. За всё.

– Ты вернулась к нам?

Я кивнула. (Зло внутри меня ядовито зашипело, но теперь оно больше над моей душой не властвует.)

– Навсегда?

– Навсегда.

«

Сторож»

Служба ещё не началась. В храме тишина, но не та, праздничная которая бывает тут каждое воскресенье – а другая. Дети не ходят, женщины сидят тихонько на лавочке, и не переговариваются как обычно друг с другом, а думают о чем-то своем. Но сегодня это “своё” одно на всех.

Я стою, держу свечу. Давно не покупал свечи. Не потому что жалко денег, а считал что не нужно мне это. Господь внутри, его не видно. А свеча, ну что свеча, красиво и иногда тепло. Но сегодня купил. Ему сегодня сорок дней. Не со смерти – с ухода. Потому что сказать «умер» у всех язык не поворачивается. Николай Петрович не умер. Он просто ушёл. Туда, где жена и сын. Где не нужно объяснять, зачем живёшь и зачем молчишь.

Я его сменщик. Был. Работали по очереди, сутки он, сутки я. Теперь я – просто сторож, один.

Петрович был человеком простым. Без «этих ваших красных дипломов», как он любил говорить.. Но руки у него были золотые. Кирпич – положит. Дверь – поправит. Детям в воскресной школе что-нибудь смастерит. А что не знал, то спросит. Никогда не строил из себя знатока. Никогда не спорил. Только куртку снимет, рукава закатает – и в работу.

А ещё Колька пил.

Не каждый день. Но, сильно. Не от похмелья, а от памяти. За работу ему в основном литрами рассчитывались.

Я потом только понял: он пил не ради удовольствия. Он пил, чтобы услышать их. Жену. Сына.

Они погибли лет десять назад – в аварии. Он после этого замолчал на год. Потом пришёл к нам в храм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.